

УДК 008

А. В. Еремин

<https://orcid.org/0000-0002-4139-8962>

Советское бытие: религиозные детерминанты и образы нового времени

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Еремин А. В. Советское бытие: религиозные детерминанты и образы нового времени // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 189–194.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-189-194

Статья посвящена изучению религиозных оснований советского бытия в контексте их взаимодействия с образами новой советской эпохи. В работе обосновывается тезис о том, что цивилизационная специфика России, в основе которой находятся православные детерминанты, стала базой для построения советской ценностно-нормативной системы. Обращаясь к понятию религиозность, выдвинутому Э. Дюркгеймом, автор приходит к выводу о том, что советское общество было по своей сути религиозным, основанным на архетипических детерминантах, которые и создавали специфику советского бытия. Автор развивает идеи П. Я. Данилевского для выявления и анализа цивилизационных парадигм, прослеживает их влияние на понимание власти, общества, человека. Характеризуя цивилизационные детерминанты, существовавшие в культурной матрице советского бытия, автор сосредоточивается на особенностях православного миропонимания, доказывая мысль о том, что советские идеалы и ценности – это новый формат православных императивов, существовавших, несмотря на религиозные гонения и антицерковную политику.

Основопологающим православным императивом, определявшим историко-культурную динамику российского общества, по мнению автора, была соборность и единство общества, которое ставилось выше интересов отдельной личности. Для советского бытия этот императив стал определяющим и отразился в представлениях о коллективизме и солидарности советского народа. В работе делается вывод о том, что цивилизационные детерминанты в новых формах получили дальнейшее развитие, в особенности в период 30–40-х гг. XX в. в период культа личности И. В. Сталина.

Ключевые слова: советское бытие, религия, цивилизация, парадигма, коллективизм, соборность, православные детерминанты.

A. V. Eremin

Soviet being: religious determinants and images of modern times

The article is devoted to the study of the religious foundations of Soviet life in the context of their interaction with the images of the new Soviet era. The paper substantiates the thesis that the civilizational specificity of Russia, which is based on Orthodox determinants, has become the basis for building the Soviet value-normative system. Turning to the concept of religiosity put forward by E. Durkheim, the author comes to the conclusion that Soviet society was inherently religious, based on archetypal determinants, which created the specificity of Soviet being. The author develops the ideas of P. Ya. Danilevsky to identify and analyze civilizational paradigms, traces their influence on the understanding of power, society, and man. Characterizing the civilizational determinants that existed in the cultural matrix of Soviet being, the author focuses on the peculiarities of the Orthodox world outlook, proving the idea that Soviet ideals and values are a new format of Orthodox imperatives that existed despite religious persecution and anti-church policies. The fundamental Orthodox imperative that determined the historical and cultural dynamics of Russian society, according to the author, was the conciliarity and unity of society, which was placed above the interests of the individual. For Soviet being, this imperative became decisive and was reflected in the ideas of collectivism and solidarity of the Soviet people. The paper concludes that civilizational determinants in new forms were further developed, especially in the period of 30–40s. XX century during the cult of personality I. V. Stalin.

Key words: soviet life, religion, civilization, paradigm, collectivism, conciliarity, Orthodox determinants.

После революционных потрясений 1917 г. и установления в России советской власти, в истории российского общества начинается период, в котором формировались новые реалии жизни, но-

вые контуры бытия. Советское бытие – уникальный тип бытия, основу которого составили не только новые образы, ценности, принципы и правила существования, пропагандируемые и устанавливающиеся с помощью государственного аппарата, но и архетипические константы, веками являющиеся императивами общественного сознания. Мы полагаем, что природу советского бытия стоит искать в цивилизационных парадигмах, формировавшихся в лоне религиозного мировосприятия людей. Россия как страна – цивилизация (О. Шпенглер [Шпенглер, 2019]), обладающая присущей её уникальными свойствами культуры, приняла новые формы, придав им религиозный смысл. После распада российской империи, несмотря на развитие революционных тенденций, российское общество по большей части оставалось традиционным и патриархальным. Такие императивы, как богоизбранность власти, религиозный и имперский мессианизм, представления о святой Руси и святом народе, императив соборности находят воплощения в новых формах культа личности вождей, образах коммунистического будущего (рая на земле), ценностях коллективизма и др.

Положению верующих и Церкви в советский период были посвящены работы историков: Д. В. Поспеловского [Поспеловский, 1995], С. Л. Фирсова [Фирсов, 2014], М. И. Одинцова [Одинцов, 2002], М. В. Шкаровский [Шкаровский, 2010] и др. Но спектр работ, который поднимает проблему взаимосвязи религиозных образов, цивилизационной специфики и советского бытия крайне узок. В 20–30-ые гг. XX века мысль о взаимосвязи религии и марксистской идеологии в советском государстве высказывали евразийцы – Л. П. Карсавин [Карсавин, 1993], П. П. Сувчинский [Сувчинский, 1923], Н. В. Устрялов [Устрялов, 2020]. Подобной позиции придерживались Дж. Кейнс [Кейнс, 1991], В. Шубарт [Шубарт, 2000]. В постсоветской России отдельные аспекты проблемы были актуализированы С. Г. Кара-Мурзой [Кара-Мурза, 2019], Р. Р. Вахитовым [Вахитов, 2014], С. В. Кортуновым [Кортунов, 2009], Е. Е. Зубковой [Зубкова, 1999]. Однако, концепт «советского бытия» (применительно к религиозной сфере) в контексте его генезиса, динамики и влияния на советское и современное общество фундаментально не исследовался [Еремин, 2013].

Важной задачей для исследователя становится выявление и изучение цивилизационных детерминант, укорененных в религиозной традиции русского общества, и понимание специфики их

влияния на формирование советского бытия как уникального цивилизационного универсума, имеющего свои основания в дореволюционной России, существующего и после распада СССР в XXI веке.

Э. Дюркгейм полагал, что уровень религиозности в обществе определяет степень его социальной солидарности. Под религиозностью в данном случае понимается система символов и ритуалов, которая воспроизводится обществом с целью социальной интеграции [Дюркгейм, 1998]. Развивая идею Э. Дюркгейма, отметим, что высокий уровень социальной солидарности, характерный для советского бытия, свидетельствовал о высоком уровне религиозности социума.

В советском обществе марксистское учение о коммунизме представляло собой псевдо-религию, которая, как и любая религия, имеет систему ритуалов, сакральных практик, нравственный кодекс, идеалы и устремления, ясную цель и правила жизни. Четкая и понятная система мироздания, в которой каждый знал свое место и предназначение, понимал важность коллективной поддержки и единства – уникальная культурная матрица, которая по сути своей была религиозной, несмотря на провозглашаемые атеистические принципы. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что люди воспринимали новые образы повседневности через призму православных по своей сути идеалов, что позволило власти добиться колоссальной солидарности и единства в достижении общих целей, когда каждый понимал свою роль и значение в строительстве новой жизни. В особенности это характерно для 30–40 гг. XX века, когда религиозные императивы, проявились с полной силой в условиях тоталитарного общества и культа личности.

Религиозность по Э. Дюркгейму – ценностная матрица бытия, которая свойственна любому сплоченному обществу. Для советского бытия основополагающими ценностями являлись коллективизм и солидарность – проявление религиозной детерминанты соборности, свойственной русской цивилизации.

П. Я. Данилевский полагал, что соборность (единство всего общества в контексте его прошлого, настоящего и будущего, единство смыслов и предназначения независимо от времени и событий той или иной эпохи) определяет особый мобилизационный тип общества, готовый к ответу на глобальные вызовы, к противостоянию и защите своей идентичности [Данилевский, 2020].

Характеризуя Россию, П. Я. Данилевский вы-

двигает идею о важности вызова в развитии цивилизаций (до того, как П. А. Тойнби обосновал и предложил концепцию «вызов-ответ» в своем труде «Постижение истории» [Тойнби, 2008]). Ученый полагал, что для России парадигма вызова, под которым понимались внешние угрозы, прежде всего со стороны Европы, стала важнейшим фактором, определившим её судьбу. Новые вызовы, реальные и гипотетические консолидирует общество. Так он замечает: «великая борьба, предстоящая в более или менее близком будущем русскому народу, и по правоте и святости дела, которое он должен будет защищать, и по особым свойствам его государственного строя, может и должна принять характер героический» [Данилевский, 2020].

Развивая идеи П. Я. Данилевского, заметим, что готовность к противостоянию и вызовам, создает возможности для глобальных целей и миссий, которые должны реализоваться, что в свою очередь порождает солидарность и единство. Советское бытие в этом контексте воспринимается как система существования социума, настроенного на противостояние врагу (силы империализма) и достижения особой миссии (коммунизма). Здесь усматриваются традиции идеи «Москва-третий Рим», идеи священной империи, как о «бастионе добра в борьбе со злом». Единое общество в этом контексте – это соборная Церковь – единый социальный организм, который христоцентричен по своей сути, то есть в его основе православные доминанты и представления о «Святой Руси» вне зависимости от времени и эпохи. Советское бытие было наполнено представлениями о едином пролетарском коллективе, соединенном трудовым духом и идеалами совершенного «советского человека», призванного выполнить великую миссию построения коммунизма.

Глобальные вызовы и великая миссия немыслимы без единства власти и общества. Власть защищает интересы людей и является путеводителем к общей цели, отсюда её сакральность. Сакрализация власти – важный императив присущий дореволюционной России, был он характерен и для советского бытия, в особенности в период культа личности Сталина.

П. Я. Данилевский отмечал важное свойство российской цивилизации – государственные интересы укоренены в основаниях нравственно-психологических и религиозных, отсюда готовность общества защищать интересы государства: «нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский

народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его государе, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном само сознательном существе» [Данилевский, 2020]. Легитимная власть – гарант самосохранения и целостности: «это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объемлющие собою всю государственную сторону его бытия, и составляют причину того, что русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем дисциплинированным энтузиазмом, волею его государя» [Данилевский, 2020].

Власть в России не воспринималась как институт, выполняющий лишь свои функции и отчитывающийся перед народом. Идеалы «общественного договора» не свойственны данному восприятию. Более того, власть в России была всегда очень персонифицирована и ассоциировалась не с отдельным институтом, а с конкретным человеком, который наделялся сакральными образами. В дореволюционный период сакральность во многом усиливалась Церковью, в советский период вождизм и культ личности культивировался через механизм пропаганды среди всех категорий населения, через систему государственного управления, которая, по сути, была вертикальной и зависела от решения вождя. Более того, как известно, власть не пренебрегала и Церковью, которая в 40-ых гг. XX века получила свободу действий. Религиозные образы и символы активно использовались И. В. Сталиным в процессе укрепления своей власти. Начало этого процесса было положено обращением И. В. Сталина к народу в связи с началом Великой Отечественной войны: «братья и сестры». Отметим, что это приносило свои плоды, так как количество верующих в 30–40-ые года оставалось большим, несмотря на пропаганду атеизма и идеалы коммунистического рая на земле. Но обращение И. В. Сталина было далеко не только к верующим, а и ко всем людям, которые продолжали жить в системе коллективного бессознательного, сформированного задолго до советского периода. Религиозные представления об обществе, власти основывались на архетипичных парадигмах русской цивилизации.

П. Я. Данилевский сравнивая Европейскую цивилизацию и русскую цивилизацию отмечал глубокую разницу в мировосприятии, несмотря на общую христианскую доминанту культуры. Разницу можно выявить во всех сферах жизни общества, что позволяет говорить о разных векторах культурно-исторической эволюции. Соборность, мобизационный характер, особая роль Церкви как духовной власти, легитимизирующей власть церковную, стремление людей защищать свои ценности и свою родину, особый психологический склад – все это порождение православного мировосприятия [Данилевский, 2020].

Мы полагаем, что специфика православного мировосприятия, заложившего основы цивилизационной специфики России на разных этапах её истории, в том числе и советского бытия, лежит в плоскости православной догматики, которая была основанием формирования ценностно-нормативной системы существования многих поколений людей.

В православной традиции существовали представления о невозможности (трансцендентности) познания Бога. Рационализм изначально не мог стать определяющим фактором мировосприятия в силу соединенности царства Божия и царства земного, так как Иисус Христос являлся Богочеловеком. Цель человеческой жизни не стяжание заслуг или достижение успеха, а стяжание Духа Святого, то есть приобщение к Богу, который бытийствует в виде Святой Троицы. Человек должен уподобиться Иисусу Христу, который показал путь к спасению через внутреннее обновление и соединение природного и божественного воедино [Мейендорф]. Личностный уровень спасения, когда спасение зависит и от самого человека, переносится на уровень социальный: общество также должно быть христоцентричным. Человек меняет себя и меняет окружающий мир – эти методологические основы стали мировоззренческими принципами, на которых основывались исихастские представления о преобразовании социума. Право и долг в православной традиции не являются главными императивами. Модель человеческого общества – общение лиц животворящей Троицы, главным основанием которого является любовь, а не право.

Основополагающие детерминанты православной культуры определяли специфику восприятия людей и в период, когда Церковь перестала определять идеологическую повестку социума. Богочеловека заменил новый советский человек, который сам является Богом и творцом. В этой связи

ориентиром становится образ идеального советского человека, преобразующего себя и мир, живущего общественными идеалами, на место единой соборной Церкви претендует обновленное советское общество.

В православном мирозерцании человек проявляет свою подлинную природу не в повседневной материальной, временной жизни, а в бытии, обновленном во Христе через причастность к единой Церкви, которая соединяет Бога и человека. Церковь воспринимается как духовная реальность, объединяющая людей друг с другом и с Богом по законам любви.

Советское бытие в этом контексте характеризуется как бытие, в котором на первый план выходят цели и образы будущей жизни и мироустройства. Человек построит его сам, изменяя себя и окружающий мир, поэтому людей объединяет общая цель и братство в идее, которая возносится в ранг религии.

Социальное бытие в православной традиции неразрывно связано с Богом, оно является местом борьбы добра со злом, а критерии благополучия – нравственные принципы, любовь и Божественная благодать, а не светский закон. Социальная этика православия основывается на жертвенности, служении ближнему, смирении, а не на идеалах личной свободы и творческого начала. Социальная действительность воспринимается по образу Церкви, вследствие чего правитель мыслится как помазанник Божий.

Такие религиозные детерминанты определяют специфику советского бытия в контексте невыраженности материальных ценностей и ценностей частной собственности, в неразвитости активной политической культуры, так как личная свобода ставится ниже коллективных ценностей, закон и право уступают по значимости коллективному контролю и общественной морали.

Миссия правителя в православном мирозерцании – обеспечить существование христоцентричного общества, в советском бытии этот императив проявляется в миссии вождя по построению коммунизма. Находим мы в советском бытии и императив православной традиции, согласно которому правитель ответственен за поданных перед Богом, а не перед людьми (западная религиозная традиция), а власть – это не сила превосходства, а, прежде всего, бремя служения. Вождь в советском бытии отвечает не за благополучие людей, а за достижение общественных идеалов, его деятельность легитимизируется ценностями и образами будущего, ради которых ему дается

народом право употребления власти, в том числе использования силы.

Коллективизм и солидарность укореняются в православных детерминантах, согласно которым христианское благочестие в индивидуальном контексте (индивидуальное восхождение к Богу через достижение святости) существует вместе с убеждением о необходимости соборного единства христианского исповедания. Соборность социального бытия, обоснованная В. Соловьевым в концепции «всеединства» [Соловьев, 1994], предполагает такое сосуществование людей, в котором каждый не мыслит себя вне целого, которое является единством свободных личностей, поэтому общество и личность должны служить друг другу на основе идеалов христианской (православной) солидарности, государство выполняет функции обеспечения соборной жизни на основе православной солидарности, оно есть средство для установления божественного порядка в грешном и хаотичном мире.

Православное мировосприятие онтологически ориентировано на христианское социальное бытие и защиту православных ценностей, а это в свою очередь является проявлением бинарной оппозиции «вызов-ответ» [Сувчинский, 1923], что свойственно и для советского бытия.

Таким образом, религиозные представления, укорененные в православной догматике и мировосприятии, являющиеся основанием цивилизационной специфики российского общества, определяли и специфику советского бытия. Они нашли выражение в новых образах, восприятии власти, общества, человека. Парадоксальность генезиса советского бытия в том, что оно, несмотря на идеологизацию и антирелигиозную пропаганду, воспроизводило религиозные детерминанты и, более того, усиливало их через новые культурные формы.

Библиографический список

1. Вахитов Р. Р. Диалектика тоталитаризма. Опыт исследования тоталитаризма с точки зрения социальной философии платонизма. Уфа : Гилем, 2014. 98 с.
2. Данилевский Н. Я. Борьба // Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/16.html> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Данилевский Н. Я. Почему Европа враждебна России? // Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/02.html> (дата обращения: 18.07.2020).
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Москва : Антология, 1998. С. 174–230.
6. Еремин, А. В. Периодизация современной истории государственно-церковных отношений: исторический дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. С. 48–51.
7. Еремин, А. В. Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в современной России : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 231 с.
8. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва : РОССПЭН, 1999. 229 с.
9. Иоанн Мейендорф, прот. Значение реформации как событие в истории христианства / «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/ (дата обращения: 14.07.2020).
10. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. Москва : Родина, 2019. 1280 с.
11. Карсавин Л. П. Сочинения. Москва : «Паритет», 1993. 496 с.
12. Кейнс Д. Беглый взгляд на Россию / Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент: сайт. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/441/927/1216/19Kejns_Beglyj_vzglyad.pdf (дата обращения: 14.07.2020).
13. Картунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. Москва : Аспект Пресс, 2009. 591 с.
14. Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. Москва : Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии, 2002. 312 с.
15. Пospelовский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. Москва : Республика, 1995. 510 с.
16. Соловьев В. С. О христианском единстве. Москва : Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 1994. 95 с.
17. Сувчинский П. П. Инобытие русской религиозности // Евразийский временник. Книга третья. Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1923. С. 81–106.
18. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Москва : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
19. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех / Электронная библиотека TheLib: сайт. URL: https://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/patriotica-read.html (дата обращения: 14.07.2020).
20. Фирсов С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 - нач. 1940-х гг.: очерки истории. Москва : ПСТГУ, 2014. 474 с.
21. Шкаровский М. В. Русская Православная

Церковь в XX веке. Москва : Лепта, 2010. 480 с.

22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Москва : Попурри, 2019. 704 с.

23. Шубарт, В. «Европа и душа Востока». Москва : Русская идея, 2000. 443 с.

Reference List

1. Vahitov R. R. Dialektika totalitarizma. Opyt issledovaniya totalitarizma s tochki zreniya social'noj filosofii platonizma = Dialectics of totalitarianism from the viewpoint of social philosophy of Platonism. Ufa : Gilem, 2014. 98 s.

2. Danilevskij N. Ja. Bor'ba = Struggle // Rossiya i Evropa / Biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/16.html> (data obrashheniya: 15.05.2020).

3. Danilevskij N. Ja. Pochemu Evropa vrazhdebna Rossii? = Why is Europe hostile to Russia? // Rossiya i Evropa / Biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/02.html> (data obrashheniya: 18.07.2020).

4. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa = Russia and Europe / biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html> (data obrashheniya: 15.05.2020).

5. Djurkgejm Je. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemisticheskaja sistema v Avstralii = Elementary forms of religious life, totemistic system of Australia // Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Moskva : Antologija, 1998. S. 174–230.

6. Eremin, A. V. Periodizacija sovremennoj istorii gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij: istoricheskij diskurs = Periodization of modern history of state-church relations: historical discourse. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. № 2. T. 1. S. 48–51.

7. Eremin, A. V. Formirovanie social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v sovremennoj Rossii = The formation of social concept of Russian Orthodox Church in modern Russia : monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaG-PU, 2010. 231 s.

8. Zubkova E. Ju. Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 = After war Soviet society : policy and every day life. Moskva : ROSSPJEN, 1999. 229 s.

9. Ioann Mejendorf, prot. Znachenie reformacii kak sobytie v istorii hristianstva = The meaning of reformation as an event in the history of Christianity / «Azbyka very». URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-](https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/)

[reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/](https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/) (data obrashheniya: 14.07.2020).

10. Kara-Murza, S. G. Sovetskaja civilizacija = Soviet civilization. Moskva : Rodina, 2019. 1280 s.

11. Karsavin L. P. Sochinenija = Works. Moskva : «Raritet», 1993. 496 s.

12. Kejns D. Beglyj vzgljad na Rossiju = A glance on Russia / Federal'nyj obrazovatel'nyj portal. Jekonomika. Sociologija. Menedzhmet: sajt: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/441/927/1216/19Kejns_Beglyj_vzgljad.pdf (data obrashheniya: 14.07.2020).

13. Kortunov S. V. Nacional'naja identichnost': postizhenie smysla = National identity: comprehending the meaning. Moskva : Aspekt Press, 2009. 591 s.

14. Odincov M. I. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v HH veke: istorija, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshhestvom = Russian Orthodox church in the XX c.: history, relationships with the state and society. Moskva : Central'nyj dom duhovnogo nasledija, Ob#edinenie issledovatelej religii, 2002. 312 s.

15. Pospelovskij D. V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v HH veke = Russian Orthodox church in the XX c. Moskva : Respublika, 1995. 510 s.

16. Solov'ev V. S. O hristianskom edinstve = About christian unity. Moskva : Vserossijskaja gosudarstvennaja biblioteka inostrannoju literatury im. M. I. Rudomino, 1994. 95 s.

17. Suvchinskij P. P. Inobytie russkoj religioznosti = Other being of Russian religiosity // Evrazijskij vremenik. Kniga tret'ja. Berlin: Evraz. knigoizd-vo, 1923. S. 81–106.

18. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii = Comprehending the history. Moskva : Ajris-Press, 2008. 521 s.

19. Ustrjalov N. V. Patriotisa // Smena veh / Jelektronnaja biblioteka TheLib: sajt. URL: https://thelib.ru/books/ustrjalov_nikolay/patriotica-read.html (data obrashheniya: 14.07.2020).

20. Firsov S. L. «Vlast' i ogon'»: Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nach. 1940-h gg.: ocherki istorii = «Power and fire»: Church and Soviet state :1918 – beg. 1940-s: historical essays. Moskva : PSTGU, 2014. 474 s.

21. Shkarovskij M. V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke = Russian Orthodox Church in XX c. Moskva : Lepta, 2010. 480 s.

22. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy = Sunset of Europe. Essays of world history morphology. T. 2. World historical perspectives. Moskva : Popurri, 2019. 704 s.

23. Shubart, V. «Evropa i dusha Vostoka» = «Europe and soul of the East». Moskva : Russkaja ideja, 2000. 443 s.